

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Гибель „Страшнаго“ и „Петропавловска“.

I.

кутавшись въ длинный тулупъ, я сидѣлъ на песчаной отмели и наблюдалъ за скользящимъ лучемъ прожектора. Яркій снопъ свѣта медленно и методично передвигался по волнистой поверхности моря, описывая широкую сверкающую дугу.

Два матроса стояли около зеркала и медленно его поворачивали. Насъ окутывала густая непроглядная темень. Настоящая черная тихоокеанская ночь нависла надъ берегами и моремъ, и только пять огненныхъ лучей прорѣзывали темную мглу.

Сзади насъ отрывистымъ обрывомъ подымался берегъ, уставленный орудіями. Двадцать двѣ батареи, заряженные и готовые ежеминутно къ выстрѣлу, смотрѣли съ высокихъ скалъ въ море. Несмотря на то, что въ этой жуткой тишинѣ отчетливо слышался каждый звукъ, у пушекъ было все тихо. Лишь изрѣдка рѣзкій телефонный звонокъ нервными звуками раздражался въ воздухѣ, слышался негромкій, короткій разговоръ, и снова наступало молчаніе, странная, неподвижная, тишина.

Еще съ вечера, заступая на дежурство по прожектору, я былъ освѣдомленъ, что 8 нашихъ миноносцевъ выйдутъ съ наступленіемъ темноты въ море, имѣя цѣлью атаковать японскую эскадру. Это сообщеніе передавалось на батареи обычнымъ шумнымъ разговоромъ по телефону, съ обычными крикливыми переспросами: „а?... что?... восемь?... въ которомъ часу?... Вы говорите, не стрѣляютъ?... а если будутъ японскіе?... хорошо, хорошо“...

Телефонные звонки отчаянно и безпокойно трещали, телефонисты кричали неистовыми голосами, и казалось, всему свѣту сообщалось объ этой секретной экспедиціи. Китаецъ, продававшій мнѣ въ городѣ фунтъ табаку, смотрѣлъ на меня таинственно своими раскосыми глазами; неизвѣстной національности прикащики въ магазинѣ Кунста и Альберса загадочно перешептывались другъ съ другомъ; грекъ-лакей въ ресторанѣ сообщалъ эту новость моему сосѣду, чиновнику какого-то вѣдомства. И въ городѣ, и въ крѣпости всѣ знали, всѣ говорили объ этомъ по секрету и даже застрѣвшая въ крѣпости шансонетка сообщала шепотомъ: „Вы знаете, мы сегодня атакуемъ японскую эскадру“ и при этомъ принимала сосредоточенно-задумчивый видъ, какъ будто она именно и шла на это опасное предпріятіе.

И, когда, дѣйствительно, съ наступленіемъ темноты изъ узкаго прохода вышли восемь длинныхъ тѣней и неслышнымъ движеніемъ скользнули въ темную мглу, неясное тяжелое ощущеніе сдавило сердце, точно предсказывая неудачу и страданія.

Первая половина ночи прошла спокойно и въ лучѣ прожектора не было замѣтно ничего подозрительнаго. Утомленные нервы начали понемногу успокаиваться, и появилась надежда, что затѣянное дѣло кончится благополучно. Раза два по телефону подтверждали приказаніе не стрѣлять по появляющимся миноноскамъ, чтобы не потопить своихъ.

Въ первомъ часу ночи наше тихое благополучіе было нарушено. Въ ясной полосѣ свѣта мельнуло постороннее пятно въ видѣ треугольника и послѣ рѣзкаго поворота исчезло. Передвигавшіеся дотолѣ методично лучи безпокойно заерзали и поскакали въ различныхъ направленіяхъ моря, разыскивая неизвѣстнаго пришельца. Спустя нѣсколько мгновеній всѣ пять лучей уже освѣщали 4 миноносца, идущіе въ кильватерѣ быстрымъ ходомъ безъ огней. Потомъ лучи соскочили съ кораблей, но продолжали имъ сопутствовать, изрѣдка накрывая ихъ, точно безпокойно освѣдомляясь, свои ли это или чужіе.

Дѣйствительно такой тревожный вопросъ возникалъ у каждаго наблюдателя на берегу Если свои, ихъ нельзя освѣщать, чтобы не увидалъ непріятель, несомнѣнно плавающій по близости. Весь секретъ, на которомъ основано предпріятіе высланныхъ миноносцевъ, будетъ раскрытъ и въ неудачѣ даже нечего сомнѣваться. Если же чужіе, то наоборотъ необходимо ихъ и освѣтить, и разстрѣлять.

Такъ что жъ это наконецъ? свои или чужіе? почему они не сигналиять огнями, если они свои?... значить, чужіе... надо стрѣлять?...

Но строгій приказъ „не стрѣлять“ сдерживаетъ привычныхъ дисциплинированныхъ людей, несмотря на окрѣпшее убѣжденіе, что это японцы.

Вскорѣ миноносцы вышли изъ освѣщеннаго раіона и исчезли. Свѣтоты полосы снова равномерно задвигались по морю, и тревожный шепотъ на батареяхъ затихъ. Но спокойствіе было нарушено. Мучительный вопросъ, чьи эти суда, настойчиво лѣзъ въ голову и, казалось, подсказывалъ какую-то бѣду.

Вся вторая половина прошла въ тревожномъ ожиданіи и, пока не наступилъ разсвѣтъ, какъ-то невольно не хотѣлось прекращать освѣщенія. Точно по какому-то соглашенію матросы продолжали пускать лучи въ освѣщенное уже косымъ свѣтомъ солнца море, и ни откуда не шло приказаніе прекратить освѣщеніе.

Наконецъ бесполезность этого освѣщенія стала очевидна. Дневной свѣтъ дѣлался ярче, и электрическіе лучи таяли и пропадали въ свѣтломъ воздухѣ. Прислуга у фонаря рѣшительно прикрыла зеркало темнымъ кускомъ сукна и потушила огонь.

Вдругъ тяжелые гулкіе выстрѣлы донеслись раскатами издалека. Они дѣлались все чаще и чаще и понемногу слились въ непрерывный гулъ, характерный для быстрой орудійной пальбы. Матросы, тушившіе фонарь, безпокойно пріостановились.

Однако ни въ мой цейссовскій бинокль, ни въ мою прекрасную трубу я ничего не различалъ. Обычный утренній туманъ застилалъ море и стоялъ непроницаемой пеленой, обрѣзывая поле зрѣнія въ 2—3 верстахъ.

Я оглянулся на батареи. Десятки людей такъ же напрягли свое зрѣніе, смотрѣли въ бинокли и трубы и, повидимому, съ такимъ же успѣхомъ, какъ я, а тяжелый грохотъ все продолжался, — гдѣ-то шель жестокой бой.

Около получасу продолжалась эта тревожная неизвѣстность, Кое-гдѣ зажгли прожектора, но лишь для того, чтобы убѣдиться еще разъ въ бесполезности такого освѣщенія днемъ.

Наконецъ, медленно приподымающійся туманъ сталъ обнаруживать вдаль какія-то неясныя очертанія. Мелькнулъ разъ, другой огонекъ выстрѣла и съ большимъ трудомъ можно было различить облако пара надъ водой. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого облака иногда показывались черныя точки и затѣмъ пропадали.

Еще небольшой промежутокъ времени, и болѣе или менѣе отчетливо на далекомъ горизонтѣ обрисовалась жестокая картина. Облако пара стояло неподвижно, а на черныхъ точкахъ сверкали огни. Очевидно какой-то корабль разстрѣливался, уже получилъ

смертельныя поврежденія и со взорванной машиной, окутанный горячимъ паремъ, доживаетъ послѣднія предсмертныя минуты.

Но, кто онъ, этотъ растерзываемый корабль?

Нашъ или непріятельскій?

Къ сожалѣнію, какъ ни грустно, но новая скверная привычка ожидать пораженія давала мало надежды на то, что гибнетъ японецъ.—Нашъ, нашъ,—предсказывало болѣзненное чувство, подсказывала недовѣрчивая мысль, подсказывали еще свѣжія, недавнія неудачи.

И, когда изъ гавани быстрымъ ходомъ выскочилъ крейсеръ „Діана“ и пошелъ на сверкающіе огни, тревожное предположеніе стало фактомъ. Сомнѣній не было,—гибнетъ нашъ корабль. Я не могъ этого еще различить въ трубу, но было ясно, что это обнаружили съ „Золотой Горы“, и „Діана“ шла на помощь.

Выпуская клубками дымокъ, „Діана“ шла какъ стрѣла, прямолинейно и стремительно, на продолжавшее еще висѣть на морѣ облако. На палубахъ видны были копошащіеся матросы, наблюдающіе офицеры. Съ бортовъ и съ носа глядѣли большія орудія и своимъ внушительнымъ видомъ, какъ бы успокаивали тревожащихся зрителей на берегу.

Блестящимъ, проворнымъ ходомъ прошелъ крейсеръ около 5—6 верстъ и вдругъ неожиданно остановился. Клубки дыма продолжали идти изъ трубъ, но корабль стоялъ неподвижно, какъ-то безпомощно покачиваясь на волнахъ.

Вотъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ... А вотъ опять впередъ... А сейчасъ назадъ...

„Діана“ какъ-то пугливо ерзала на мѣстѣ. Отъ готовности летѣть на выручку, отъ прежняго щегольскаго проворнаго хода не осталось и слѣда.

Нерѣшительно и безпокойно вертѣлся корабликъ на одномъ мѣстѣ, толкаясь носомъ и кормой въ волны. Очевидно съ крейсера узрѣли сильнаго непріятеля и не хватило смѣлости вступить въ неравный бой.

Опять томительныя минуты. Что же будетъ дальше?... Не одно рѣзкое слово раздалось въ этотъ часъ по адресу оторопѣвшей „Діаны“.

Но вотъ изъ узкаго прохода вылетѣлъ „Баянъ“, красивый, изящный бронированный крейсеръ, легкій и верткій, какъ живое существо. Какъ и „Діана“ онъ понесся быстрымъ ходомъ, вспѣнивая море и далеко распространяя отъ себя широкія волны. Нѣсколько минутъ, и онъ обогналъ застывшую „Діану“. Но „Баянъ“ не остановился. Не уменьшая хода, онъ продолжалъ нестись впе-

редь все такъ же смѣло и рѣшительно и, казалось, его командиромъ овладѣла лишь одна мысль:—скорѣй, скорѣй дойти!

Дневной свѣтъ сталъ уже достаточно сильнымъ. Туманъ разсѣялся и картина боя, вѣрнѣе добиванія, была видна отчетливо. Облаки пара расплылись, обнаруживая силуэты склоненнаго, гибнущаго миноносца. Въ трубы видны 4 японскіе „истребителя“, окружившіе нашъ миноносецъ. Въ трубу было замѣтно, какъ падали на искалѣченный корабль снаряды, непрерывно взрываясь во всѣхъ его концахъ. Японскіе „истребители“ безъ конца поблескивали огоньками выстрѣловъ, нанося послѣдніе удары. И по молчанію нашего миноносца, по его сбитымъ трубамъ и осунувшемуся, накрепкому виду ясно было, что спасенія нѣтъ.

За японскими истребителями въ нѣкоторомъ разстояніи стояли силуэты большихъ судовъ. То были, такъ называемыя „собачки“, слабые крейсера 3-го класса, хотя у насъ такіе же имѣлись во второмъ, а иногда и въ первомъ классѣ.

Это былъ козвой миноносцевъ, ихъ стража, охранявшая маленькіе кораблики отъ большихъ судовъ. Они стояли неподвижно, точно равнодушно созерцая свою побѣду.

„Баянъ“ уже довольно близко подошелъ къ мѣсту боя. Издалека было трудно опредѣлить разстояніе, но, повидимому, съ минуты на минуту можно было ожидать вступленія крейсера въ бой. Но было поздно: миноносецъ погружался въ воду.

Какъ бы горя нетерпѣніемъ, „Баянъ“ заторопился. На обоихъ бортахъ его вспыхнули огни, но снарядъ за снарядомъ ложились, не долетая до непріятели. А „истребители“, сохраняя свои мѣста, продолжали осыпать миноносцевъ непрерывнымъ огнемъ.

Но вотъ они перестали. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ миноносцу и, казалось, хотѣлъ его взять на буксиръ. Истребитель обходилъ миноносцы съ разныхъ сторонъ, подходили вплотную, а миноносецъ точно не давался. И вдругъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, онъ быстрымъ движеніемъ погрузился въ воду, какъ бы предпочитая смерть позору. И, несмотря на далекое разстояніе, видны были большіе круги, расходившіеся по поверхности моря.

Безполезны оказались смѣлыя усилія „Баяна“. Его снаряды уже ближе ложились къ истребителямъ, но тѣ, вильнувъ кормами, быстрымъ ходомъ отходили къ „собачкамъ“.

„Баянъ“ на мгновеніе остановился, но сейчасъ снова пошелъ впередъ, повидимому, надѣясь спасти нѣсколькихъ искалѣченныхъ людей, плававшихъ на поверхности. Продолжая непрерывно стрѣлять съ обоихъ бортовъ, крейсеръ подошелъ къ мѣсту гибели миноносца. Японскіе крейсера отвѣчали на огонь „Баяна“, но вскорѣ

эта бесполезная перестрѣлка прекратилась, и „Баянъ“ тихимъ ходомъ пошелъ назадъ къ крѣпости.

Наши миноносцы нѣсколькими группами возвращались изъ экспедиціи. Молчаливо входили они одинъ за другимъ въ проходъ, но одного не было: вернулось семь...

Подъ впечатлѣніемъ усталости отъ безсонной тревожной ночи я всходилъ на батарею. У пушекъ было пусто; лишь нѣсколько человѣкъ дежурной прислуги сидѣли около очередного орудія, ежась отъ утренняго холода.

Въ бетонномъ казематѣ при свѣтѣ коптящей лампочки группа офицеровъ пила чай. Въ пальто и папахъ они сидѣли за деревянными столами и ихъ шумный говоръ гулко раздавался въ казематѣ. Было много впечатлѣній, было о чемъ говорить, было чѣмъ возмущаться, было на что негодовать.

— Всему виною плохое знакомство съ берегами, — говорилъ артиллерійскій капитанъ въ очкахъ, съ круглой бородкой, — нуженъ большой опытъ и уменье, чтобы ходить по морю въ такія темныя ночи.

— Должно быть оторвался ночью и заблудился, а утромъ оказался одинъ по близости японцевъ, — прибавилъ другой офицеръ.

— А вотъ подождемъ П., онъ намъ расскажетъ.

— „Діана“ — то какова.

Вскорѣ дѣйствительно пришелъ лейтенантъ П., прикомандированный къ батарее для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ. Онъ былъ въ штабѣ и принялъ свѣжія новости, грустныя и тяжелыя.

По его словамъ командиромъ погибшаго миноносца „Страшный“ былъ офицеръ, недавно пріѣхавшій изъ Европейской Россіи. Ночью всѣ восемь миноносцевъ шли вмѣстѣ, въ кильватерной колоннѣ (миноносецъ за миноносцемъ). Какъ оторвался „Страшный“, неизвѣстно. Извѣстно лишь, что „Страшный“ послѣ ничтожнаго блужданія нашелъ группу миноносцевъ и, принявъ ихъ за своихъ, пошелъ за ними въ кильватерѣ.

На разсвѣтѣ оказалось, что онъ идетъ въ хвостѣ за японскими миноносцами. При первой его попыткѣ уйти начался разстрѣлъ.

Чѣмъ-то безнадежнымъ повѣяло отъ этого разказа. Снова неопытность, снова незнаніе. Къ чему тогда всѣ эти распри, вычисленія, какой корабль сильнѣе, чьи пушки разрушительнѣе, чей ходъ лучше. Вся эта ариѳметика съ трескомъ рушится, когда въ эти распри вводится такой коэффиціентъ, какъ „незнаніе“ и „неумѣніе“. И привычная, выѣдренная годами вѣра въ русскую силу начинаетъ исчезать подъ впечатлѣніемъ безпощадной критики этого молодого лейтенанта...

II.

Докладъ вбѣжавшаго солдата прервалъ шумную и рѣзкую бесѣду.

— Ваше Высокоблагородіе, такъ что эскадра выходитъ въ море.—Всѣ стремительно выскочили наверхъ.

Изъ прохода медленно выходилъ броненосецъ, выпуская облака чернаго дыма. По тому осторожному, аккуратному движенію, съ которымъ онъ шелъ между стѣнъ прохода, видно было, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ ведется корабль. Невѣрный поворотъ руля, и громадное массивное чудовище сомнетъ свои бока объ острия скалы прохода.

Это выходилъ „Петропавловскъ“. Острые глаза артиллерійскихъ наводчиковъ различали на мостикѣ адмирала Макарова, Великаго Князя Кирилла Владиміровича и живописную группу штабныхъ, стоявшую въ привычномъ почтительномъ отдаленіи.

Еще нѣсколько размѣренныхъ движеній, и свободными немногими толчками броненосецъ выходитъ на внѣшній рейдъ. За нимъ съ тою же опасливой осторожностью ползетъ слѣдующій корабль.

Черезъ часъ съ небольшимъ вся эскадра заканчиваетъ движеніе въ проходѣ и выстраивается на внѣшнемъ рейдѣ. „Знакомыя все лица“. Вотъ „Полтава“, тамъ „Пересвѣтъ“, „Побѣда“, „Діана“, „Баянъ“. Веселый, жизнерадостный „Новикъ“ со своимъ горячимъ, пылкимъ командиромъ Эссеномъ идетъ стремительнымъ проворнымъ ходомъ въ догонку эскадрѣ. Къ большимъ кораблямъ пристроились маленькіе миноносцы, идущіе кучками по нѣсколько штукъ.

Солнце бѣлымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ покрываетъ ровную поверхность моря, сверкаетъ на блестящихъ частяхъ кораблей, на голыхъ прибрежныхъ утесахъ. Въ этомъ яркомъ освѣщеніи простымъ глазомъ видна далекая эскадра японцевъ, стоящая неподвижнымъ фронтомъ верстахъ въ 25 параллельно нашему берегу. И тамъ знакомые уже „Миноза“, „Хотцуза“, „Шикишима“ и другіе желтые молчаливые корабли, въ какомъ-то напряженномъ молчаніи что-то поджидающіе, что-то таящіе.

Но пока, однако, все тихо. Наша эскадра также выстраиваетъ фронтъ къ сторонѣ японцевъ и также неподвижно и молчаливо ждетъ.

Уже извѣстный портъ-артурцамъ маневръ. То адмиралъ Макаровъ вызываетъ адмирала Того на бой. „Адмиралъ Того!“ Еще страннымъ неблагозвучнымъ словомъ звучитъ эта фамилія японскаго адмирала, ставшая лишь два-три мѣсяца извѣстной міру.

„Того!“.. Воображеніе рисуеъ маленькаго человѣчка съ раскосыми глазами, съ неровной сѣденькой бороденкой, съ тѣмъ страннымъ, загадочнымъ взглядомъ, который такъ одинаковъ на всѣхъ этихъ портретахъ японскихъ полководцевъ. Говорятъ, онъ жестокъ. Говорятъ, онъ безжалостно потопилъ нѣсколько безоружныхъ китайскихъ транспортовъ, имѣя полную возможность взять ихъ въ плѣнъ. Онъ жестокъ, этотъ желтый крошечный адмиралъ... Ну, ничего! здѣсь ему не удастся проявить свою злобность.

Говорятъ, есть еще адмиралъ Уріу. Тотъ злоупотребляетъ спиртными напитками... Странно. Кто далъ эти короткія полусмѣшныя, полузагадочныя характеристики? Пьетъ,—это ничего... значитъ, не такъ страшно, не такъ таинственно, такой же, какъ и наши, какъ и всѣ.

Эскадры продолжаютъ стоять другъ противъ друга. Японскій адмиралъ упорно приглашаетъ наши корабли впередъ, подальше отъ береговыхъ батарей. Онъ не хочетъ драться подъ огнемъ нашихъ крѣпостныхъ орудій.

Японцы стоятъ неподвижно, наши дѣлаютъ короткія, неровныя движенія. И по этой нервности видно, что нашему адмиралу не терпится, что его волнуетъ и сердитъ это неподвижное разсматриваніе другъ друга внѣ орудійнаго выстрѣла.

Но хочетъ боя, славнаго и смѣлаго поединка на морскомъ просторѣ, короткаго и рѣшительнаго удара. Что думать, что выжидать! Пусть боги сразу положатъ судьбы смѣлыхъ на чашу вѣсовъ...

И отрывистымъ, короткимъ движеніемъ „Петропавловскъ“ кладетъ руль и поворачивается налѣво. За нимъ медленно ворочаются остальные, выстраивая кильватерную колонну.

Ага! началось!..

Я вижу, какъ волненіе овладѣваетъ моими сосѣдями, офицерами и солдатами. Все видно простыми глазами, но вздрагивающія отъ волненія руки направляютъ на эскадру и бинокли и трубы, чтобы, казалось, ничего не пропустить изъ того страшнаго столкновенія, на которое идетъ нашъ смѣлый русскій богатырь...

И въ этотъ начальный, рѣшительный безповоротный моментъ, когда всѣ желанія слились въ одну мольбу, въ одно униженное и настойчивое прошеніе, въ эту напряженную минуту произошло то ужасное по простотѣ, непреклонное до жестокости, безнадежное, какъ паденіе въ бездну, событіе. Гигантъ, стальная громада, „Петропавловскъ“ исчезъ въ облакъ чернаго дыма.

И мысль, только-что длительно работавшая, неподвижно остановилась, лишь пассивно запечатлѣвая картину. Одна секунда, двѣ секунды, три секунды, четыре, пять... Моментальная фотография

запечатлѣваетъ въ мозгу новую сцену, новый ужасъ, объять весь смыслъ котораго нѣтъ еще силъ. Въ гигантскихъ клочкахъ разсѣянаго дыма сверкаютъ контуры объятаго огнемъ броненосца. Громадные пламенные языки выскакиваютъ изъ разныхъ уголковъ горящаго корабля. Въ этой смѣси огня и чернаго дыма не видно людей, тѣхъ живыхъ людей, которые только-что наполняли броненосецъ. И мелькаетъ первая мысль: гдѣ они?..

Какъ бы для откровеннаго, беспощаднаго отвѣта корабль въ предсмертномъ движеніи наклоняется кормой къ низу. Въ этомъ страшномъ наклонномъ положеніи онъ даетъ новый снимокъ, все также запечатлѣваемый остановившейся мыслью: черныя фигуры людей бѣгутъ въ стремительномъ порывѣ къ приподнятому носу.

Есть еще живые люди! „А...а...а“ —раздается сзади меня чей то стонъ.

И какъ послѣднее слово ужаса, четвертый моментъ заканчиваетъ эту короткую драму. Стремительнымъ движеніемъ, невиднымъ, но сильнымъ, какъ летящая пуля, броненосецъ скрывается подъ водой...

Да правда ли это?.. Большіе, медленно расходящіеся круги подтверждаютъ случившееся.

Черезъ минуту на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ „Петропавловскъ“, исчезли и эти слѣды, разсѣялось и это послѣднее дыханіе умершаго корабля. А остальные корабли все также стояли, застывшіе въ своемъ послѣднемъ поворотѣ. И одинаково неподвижно съ ними стояли дымчатые силуэты непріятельскихъ кораблей...

Первыми нарушили эту всеобщую неподвижность два маленькіе минные крейсера. Они выбѣжали изъ разрозненнаго строя эскадры и направились къ мѣсту гибели „Петропавловска“. Потомъ тихимъ движеніемъ повернулся большой броненосецъ, сосѣдь погибшаго корабля, и сдѣлалъ нѣсколько робкихъ, неуверенныхъ шаговъ.

Зашевелились и остальные суда эскадры. Но въ ихъ движеніяхъ, медленныхъ и нерѣшительныхъ, чувствовалось, что люди на эскадрѣ еще находятся всецѣло подъ впечатлѣніемъ потрясающаго событія. Видно было, что уже нѣтъ единой воли вождя, смѣлой и непреклонной.

Корабли шевелились вяло, разрозненно, спотыкаясь, точно потерявшіе равновѣсіе. Этотъ невидимый врагъ, откуда-то взявшійся неожиданно, такой разрушительный и молніеносный, загипнотизировалъ волю командировъ и офицеровъ на эскадрѣ.

И черезъ нѣсколько минутъ только-что стройная, блестящая эскадра разбрелась въ разныхъ направленіяхъ, точно лопнула та крѣпкая связь, та плотная, твердая спайка, которая соединяла ихъ въ одно живое цѣлое.

Раньше другихъ пошли къ проходу маленькіе крейсера, повертѣвшіеся у мѣста гибели „Петропавловска“. Съ ихъ появленіемъ стала извѣстной первая подробность катастрофы: спасеніе Великаго Князя, нѣсколькихъ офицеровъ и нѣсколькихъ десятковъ матросовъ. За крейсерами повернули къ проходу большіе корабли, и скоро вся эскадра вытянулась носами къ проходу, открывая медленное печальное отступленіе во внутренней защищенный рейдъ.

Но судьба посылала еще послѣдній ударъ потрясенному русскому флоту. Съ тяжелымъ грохотомъ, съ тягучимъ, рокошующимъ трескомъ взрыва зашаталась „Побѣда“. Одно мгновеніе,—и огромный броненосецъ наклонился на бокъ и застылъ въ этомъ странномъ, непривычномъ для глаза наклонномъ положеніи.

Неужели и этотъ?.. Нѣсколько фигуръ мелькнуло въ воздухѣ и упало въ воду: робкіе не выдержали. Еще не закаленные въ ужасахъ войны молодые матросики бросились въ море.

Всего лишь нѣсколько человѣкъ изъ нѣсколькихъ сотенъ населявшихъ „Побѣду“. А остальные безропотно и мужественно продолжали стоять на своемъ посту, ни на минуту не желая покидать корабля, несмотря на взрывъ, предсказывающій участь „Петропавловска“.

Опять этотъ невидимый врагъ! Да гдѣ же онъ? Откуда онъ несетъ этотъ ужасъ, это стремительное разрушеніе?

Подводная лодка?!..

Ну да!.. она, она!.. Подводная лодка... Только это новое, страшное оружіе могло убивать такъ исподтишка, такъ незамѣтно и такъ губительно.

Отдѣльными, загремѣвшими звуками слышались пушечные выстрѣлы. Ихъ сверкающіе огни замелькали на бортахъ „Баяна“ и „Новика“.

Оба крейсера стояли рядомъ и непрерывно палили въ воду изъ небольшихъ и среднихъ орудій. Снаряды падали, рикошетировали о гладкую поверхность моря и съ свистящимъ звукомъ перелетали поверхъ кораблей.

„Баянъ“ стрѣлялъ въ воду въ направленіи на „Новика“, а послѣдній въ направленіи на „Баяна“. Снаряды съ „Баяна“, рикошетируя, перескакивали черезъ „Новика“, а съ „Новика“ черезъ „Баяна“.

Вотъ одинъ, а за нимъ другой снарядъ съ рикошета прилетѣли къ намъ и разорвались съ лопающимся трескомъ на скатѣ батареи.

Часа черезъ три кончилась эта сумятица. Эскадра медленно стала входить въ гавань.

К. Шумскій.

